

Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов

© *И.В. Захаренко,*
кандидат филологических наук В.В. Красных,
кандидат филологических наук Д.Б. Гудков,
Д.В. Багаева, 1997

Настоящая статья посвящена символам прецедентных феноменов и является третьей и завершающей в цикле статей о прецедентных феноменах, их структуре и некоторых особенностях функционирования¹.

До настоящего времени в лингвистической литературе так или иначе рассматривались такие феномены, как прецедентный текст, прецедентное высказывание и символ прецедентного текста [11; 12; 22]. В наших предыдущих работах (см., напр., [7; 8; 15]) мы также предприняли попытку рассмотреть и систематизировать некоторым образом феномены, которые, используя термин Ю.Н. Караулова, мы назвали прецедентными, относя к ним также, кроме вышеназванных единиц, прецедентное имя и прецедентную ситуацию. В настоящей статье позволим себе повторить некоторые из высказанных ранее положений.

Прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами *когнитивной базы (КБ)*, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [15].

Для определения понятия — *прецедентный феномен (ПФ)* — прекрасно подходит дефиниция Ю.Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту (на наш взгляд, Ю.Н. Караулов трактует термин “текст” слишком широко): под ПФ мы понимаем феномены, “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [11; с.216]. Это то общее, что объединяет все прецедентные феномены, которые могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого

¹ Цикл статей о прецедентных феноменах написан в рамках работы научного семинара “Текст и коммуникация”, существующего на филологическом факультете МГУ. См. [7;15].

слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.) [15].

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, "Евгений Онегин", "Бородино"), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. [15].

Прецедентная ситуация (ПС) — некая "эталонная", "идеальная" ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя [15].

*Прецедентное высказывание (ПВ)*² — воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, "Не спится, няня!", "Кто виноват?" и "Что делать?", "Вот он какой!"), а также пословицы (например, "Тише едешь — дальше будешь") [15].

Прецедентным именем (ПИ) мы называем индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (Ломоносов) или более элементов

² Традиционное понимание термина "высказывание" предполагает предикативность единицы. Следовательно, может вызвать протест тезис о непредикативности ПВ. Однако мы сочли возможным сохранить слово "высказывание" как составляющую термина, т.к. наше исследование показало, что при предлагаемом нами подходе нет существенной разницы в функционировании "предикативных" и "непредикативных" прецедентных высказываний.

(Куликово поле, “Летучий голландец”), обозначая при этом одно понятие.

Следует заметить, что в когнитивной базе хранятся не столько представления о прецедентных феноменах как таковых во всей своей полноте и диалектичности, сколько инварианты существующих и возможных представлений о тех или иных феноменах [8; 15]. Иначе говоря, при наличии индивидуальных вариантов восприятия “культурного предмета” [25], часто отличающихся друг от друга у двух и более произвольно взятых индивидов, существует инвариант восприятия прецедентного феномена, общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде. Так, скажем, некто может считать Ивана Грозного великим царем, объединителем русских земель, внесшим огромный вклад в создание и развитие русского государства, однако в речевом общении этот некто не может игнорировать общенациональный инвариант представления об Иване IV как о тиране, коварном, жестоком, деспотичном царе³ именно потому, что этот инвариант восприятия данного прецедентного имени (ИВПИ) существует, хранится в когнитивной базе и актуализируется в коммуникации.

За определенным прецедентным текстом также стоит инвариант его восприятия (ИВПТ). Он эксплицитно практически не выражается, но имплицитно присутствует, что проявляется, например, в принятии/непринятии сообществом экранизации или инсценировки литературного текста (особенно зарубежными режиссерами, т.к. в разных национально-лингво-культурных сообществах существует свой инвариант восприятия одного и того же текста: можно вспомнить, например, американский фильм по роману Б. Пастернака “Доктор Живаго” или польский фильм по роману М. Булгакова “Мастер и Маргарита”, не принятые представителями русского сообщества как классические экранизации этих романов). Экранизация литературного произведения реально является “переводом” текста в другой код, и сообщество обсуждает удачность “перевода”, принимает, отвергает его, признает классиче-

³ В качестве иллюстрации сказанного достаточно вспомнить об открытии в прошлом веке в Новгороде памятника, посвященного тысячелетию России, где представлены барельефы всех русских царей за исключением Ивана Грозного. На принятие такого решения — не помещать изображение данного царя на барельефе, — возможно, как раз повлияло наличие в когнитивной базе русских инварианта представления о нем как о царе-деспоте.

ским, базируясь фактически на инварианте восприятия художественного текста, существующего в данном культурном сообществе [8].

Прецедентная ситуация также имеет инвариант восприятия (ИВПС). Ярким примером ПС может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как “эталон” предательства вообще. Соответственно, любое предательство начинает восприниматься как “модель”, вариант изначальной и “идеальной” ситуации предательства. В инвариант восприятия указанной ПС входят ее дифференциальные признаки (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство), которые становятся универсальными для данного сообщества, а также атрибуты ПС (например, поцелуй Иуды, 30 сребреников), актуализирующие прецедентную ситуацию в коммуникации [15].

Прецедентное высказывание, в отличие от других прецедентных феноменов (ПТ, ПС, ПИ), имеет свою особую структуру (поверхностное значение, глубинное значение и системный смысл [см. об этом 7; 9; 10; 15 и далее в настоящей статье]), однако это не противоречит общей концепции прецедентных феноменов, т.к. при функционировании ПВ важным оказывается не только понимание его значения, но и знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей.

*Таким образом, говоря о наличии в когнитивной базе инварианта восприятия того или иного “культурного предмета”, мы рассматриваем когнитивный аспект прецедентных феноменов. Однако при этом следует иметь в виду, что прецедентное имя и прецедентное высказывание являются лингво-когнитивными, вербальными феноменами, имеющими четко фиксированную форму, в то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация относятся, на наш взгляд, к феноменам, скорее, собственно-когнитивного, нежели лингвистического (лингво-когнитивного) плана, поскольку хранятся в сознании говорящих в виде инвариантов восприятия — не вербальных, но вербализуемых, т.е. поддающихся вербализации⁴[15]. Именно по этой причине в коммуникации из выделенных и рассмотренных нами феноменов реально “участвуют”

⁴ Говоря о прецедентном тексте, мы прекрасно осознаем его лингвистическую природу, понимая, что весь текст от первой до последней строки представляет собой вербальный феномен, но поскольку в КБ хранится не собственно текст, а инвариант его восприятия и в коммуникации носители языка обращаются именно к инварианту, мы считаем, что ПТ (ИВПТ), равно как и прецедентная ситуация (ИВПС), в речи выступают как невербальные, но вербализуемые феномены, т.е. способные к вербализации (например, в виде пересказа).

только *вербальные* — прецедентное имя и прецедентное высказывание, через которые актуализируются *вербализуемые* прецедентные феномены — прецедентный текст и прецедентная ситуация, что, собственно и позволяет нам ставить вопрос о функционировании ПИ и ПВ как символов в определенных “коммуникативных условиях”.

Ю.Н. Караулов, выделяя четыре способа апелляции к прецедентным текстам — имя автора, название произведения, имя персонажа и цитату, — относит их к символам прецедентного текста, понимая под символом ПТ определенным образом оформленное указание на ПТ, актуализирующее у адресата соответствующий текст и связанные с ним коннотации [11: с.55]. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, говоря о прецедентных высказываниях, относят их, очевидно, именно к символам прецедентного текста [12]. Однако, как показывают наши последние исследования, некоторые результаты которых мы представим ниже, далеко не все прецедентные высказывания имеют жесткую связь с текстом, во многих случаях эта связь отсутствует, не все прецедентные имена могут быть символами прецедентного текста. В связи с этим, а также учитывая многообразие точек зрения на природу символа и семантическое “наполнение” этого термина и актуальность последнего для нас (в наших работах мы используем понятие “символ прецедентного феномена”), мы пришли к необходимости более точно определить, что же стоит за названным термином. В целом проблема определения символа крайне сложна и остается актуальной и в наше время, хотя поставлена она была давно и в лингвистической науке изначально связана с понятием языкового знака как такового. Общие принципы знаковых концепций были сформированы одновременно разными науками — философией, логикой, математикой, психологией, лингвистикой, большое влияние на формирование знаковой теории языка оказала семиотика. Не имея возможности сколь-нибудь подробно останавливаться на этом вопросе и разбирать различные точки зрения, мы позволим себе лишь упомянуть имена некоторых исследователей, которые так или иначе затрагивали данную проблему: В. Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Э. Кассирер, Ч.С. Пирс, К.Г. Юнг, А.Ф. Лосев, А.Н. Леонтьев, Р. Барт, П. Рикер, Ж. Пиаже, Р. Титоне, А. Соломоник, Е. Бейтс, Э.Г. Аветян и др., - и очень кратко изложить те идеи, которые в той или иной степени повлияли на выработку нашей концепции [1; 3; 4; 16; 17; 18; 20; 21; 23; 24; 26].

Ч.С. Пирс, разграничивая — по характеру соотношения двух сторон знака — знаки трех типов и выделяя среди них знаки-символы, оп-

ределял последние как порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению: связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства; такой знак обретает статус условного установления и всеобщего правила. По Рикеру символ определяется через способность к двойному смыслу: “символ с семантической точки зрения устроен так, что он передает смысл посредством смысла, в нем первичный, буквальный, земной, часто физический смысл отсылает к фигуральному, духовному, часто к экзистенциальному, онтологическому смыслу, который никак не может быть дан вне этого косвенного обозначения” [20; с.39]. Все вышесказанное соотносимо с концепцией А. Соломоника, считающего, что “символ кодирует предметы и явления, подвергающиеся обработке по правилам соответствующего кода. В то время как естественный знак представляет собой определенный предмет, образ отражает референт, а слово описывает, символ может быть приложен к любому предмету или группе предметов, чтобы закодировать их по правилам своей системы. Из всех названных знаков он наименьшим образом связан с изображаемым и обычно *ad hoc* используется для кодирования и получения соответствующего вывода...” [21: с.104-105]. Итак, в нашем понимании символ есть то, что всегда “*больше*” знака, он отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания [18: с.328], “это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. [...] ... слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто *большее*, чем их очевидное и непосредственное значение” [26: с.25-26] (выделено нами — *И.З. et al.*). В символе устойчив образ, выполняющий семиотическую функцию означающего некоторого смысла, символ не имеет четких контуров, “могучее, находящееся в постоянном движении содержание все время как бы выплескивается за рамки формы” [3].

Кроме того, для нашего рассмотрения принципиально важным является то понимание символа, которое соотносит его с содержанием передаваемой культурной информации, поскольку прецедентные феномены — это единицы, отражающие категории культуры. В связи с этим нельзя не вспомнить точку зрения А.Ф. Лосева, отмечавшего, что “символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания”, т.е. он может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и, одновременно, служить механизмом передачи этой информации (цит. по [19; с.25]). Это отмечал и М.Ю. Лотман: “культура все-

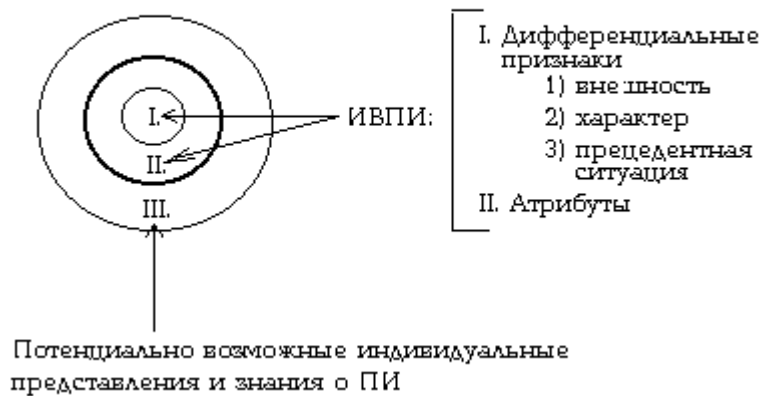
гда, с одной стороны,- определенное количество унаследованных текстов, а с другой — унаследованных символов” (цит по [19; с.25]).

Обратимся непосредственно к анализу вербальных прецедентных феноменов — прецедентного имени и прецедентного высказывания, — могущих функционировать как символы других (невербальных) прецедентных феноменов.

Повторим, что, говоря о ПИ, мы имеем в виду имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к прецедентным, или с ситуацией, хорошо известной всем носителям данного языка и выступающей как прецедентная. Другими словами ПИ и хранящийся в когнитивной базе инвариант восприятия данного имени (ИВПИ) "порождается" прецедентным текстом (*Обломов, Дон Кихот*) или прецедентной ситуацией (*Сусанин, Колумб*). Именно наличие ИВПИ позволяет отличить прецедентное имя от непрецедентного. В качестве иллюстрации приведем пример из статьи "*Пушкин, который стихов не писал*" ("Аргументы и факты", 1996). В ней идет речь о том, как прибывший в областную больницу новый врач, которого звали Александр Пушкин, знакомился с коллегами, и в ответ на его приветствие один из врачей представился как Генрих Гейне, вызвав этим у новичка, решившего, что над ним подтрунивают, весьма неадекватную реакцию. В данном случае имена Пушкин и Гейне не являются прецедентными и служат для именованья конкретных людей, не имеющих отношения к поэтам Пушкину и Гейне. Показательно, что неадекватная реакция в представленной в статье ситуации была результатом восприятия имени Гейне как прецедентного.

Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию — атрибуты [6] (см. сх. 1).

Схема 1. Структура ПИ.

Говоря о дифференциальных признаках как о неких характеристиках, отличающих данный предмет от ему подобных, мы прекрасно понимаем, что они представляют собой не просто набор или "пучок" характеристик, но сложную систему. (Ср. с мыслью Ю.Д. Апресяна: "Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис" [2].) В связи с этим нам не представляется возможным на сегодняшний день определить и привести точный и полный "набор" элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного ПИ, однако мы можем выделить, по крайней мере, несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета: (а) по чертам характера или (б) по внешности. Так, называя кого-либо *Наполеоном*, автор характеризует этого "некто" как человека с большими амбициями, а сравнивая кого-либо с *Колобком*, прежде всего имеет в виду внешнее сходство человека со сказочным персонажем: маленький и круглый. Кроме того, дифференциальные признаки могут актуализоваться (в) через прецедентную ситуацию. В качестве иллюстрации приведем примеры из российской прессы:

(1) "*Эдакие Тарасы Бульбы в юбках*" — название статьи о матерях-убийцах. Обращение к ПИ в данном случае связано с указанием на

определенную ПС, а именно на ситуацию убийства отцом своего сына из повести Н.В. Гоголя "Тарас Бульба".

(2) "Шеллинг — Христофор Колумб XIX века: он открыл человеку неизвестную часть его мира" — цитата из статьи о Шеллинге, в которой употребление ПИ "Христофор Колумб" в значении первооткрывателя в какой-либо области вызвано прецедентной ситуацией открытия Колумбом Америки.

(3) "Шамиль Басаев угрожает Москве маленьким Чернобылем" — статья с таким названием была напечатана в "Независимой газете" в связи с очередным захватом заложников чеченскими боевиками. Прецедентное имя "Чернобыль" функционирует как обозначающее прецедентной ситуации страшного опустошения и смертельной опасности, катастрофы с ужасными последствиями.

Атрибутами мы называем то, что тесно связано с означаемым ПИ, но не является необходимым для его сигнификации (кепка Ленина, медный таз Дон Кихота, маленький рост Наполеона). В качестве атрибутов могут выступать детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым можно "идентифицировать", "узнать" денотат. Подобную "идентификацию" мы называем номинацией по атрибуту ("именованием" предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени. На этом приеме основаны многие анекдоты, карикатуры, он широко используется в кинематографии. Например, в "Московском комсомольце" от 29.11.1995г. была представлена карикатура на президента Белоруссии А. Лукашенко (позволившего себе высказаться в прессе о позитивной деятельности Гитлера) с подписью: "Сначала с усами и челкой разберусь, потом — со страной", на которой угадывались черты внешности белорусского президента и челка и усы Гитлера, собственно и позволяющие "опознать" денотат — ПИ "Гитлер", на чем, вероятно, и строился комический эффект данной карикатуры. В качестве иллюстрации сказанного можно также вспомнить фильм Т. Абуладзе "Покаяние", главный герой которого "составлен" из атрибутов различных прецедентных имен: усы Гитлера, очки Берии, френч Сталина, — а также литературные и современные фольклорные произведения с использованием атрибутов того или иного ПИ:

(4) *То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки...
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорицится!*

(из стихотворения А. Галича “Ночной дозор”, посвященного памятнику Сталину);

- (5) *А из нашего окна площадь Красная видна,
Я в оптический прицел даже брови разглядел.*

(пример взят из городского фольклора; посредством атрибута “брови” осуществляется апелляция к прецедентному⁵ имени — Л.И. Брежнев).

Рассмотрев в общем виде структуру прецедентного имени, хотим обратиться к его функциональному аспекту. Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи. Что имеется в виду? Исследуя ПИ, нам удалось выделить некоторые аспекты его использования в коммуникации. Прежде всего, прецедентное имя, как любое другое индивидуальное имя, способно именовать предмет, указывая на денотат. В этом случае для коммуникации не релевантна актуализация дифференциальных признаков прецедентного имени, они просто игнорируются, но связь ПИ с прецедентным текстом может сохраняться, указывая только на принадлежность данного имени определенному ПТ:

- (6) *Илья Муромец — герой русских былин, русский богатырь.*
(7) *Софья Ковалевская — это женщина-математик.*
(8) *Шекспир — автор “Гамлета”.*

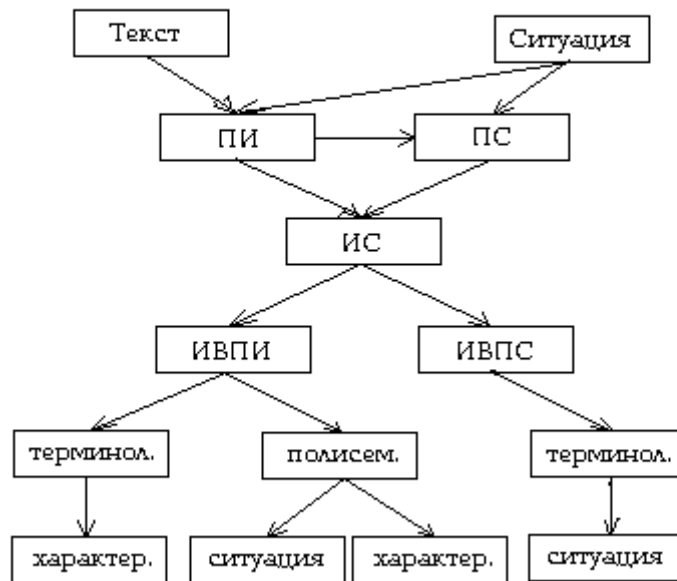
Однако отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве символа. В этом случае при использовании ПИ происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия ПИ, при таком функционировании ПИ не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется, “знак отделяется от своего референта” [4], сам символ (ПИ) оказывается “самодостаточным”, чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака. (Ср.: “Целостная ситуация употребления символа содержит не две, а четыре части: объективное, наблюдаемое средство и его референт в реальной действительности, а также субъективное, психологическое средство и его ментальный референт” [4: с.93] (выделено нами — И.З. et al.).)

Как уже было замечено выше, дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета по чертам характера, внешности, а также актуализироваться через прецедентную ситуацию. остано-

⁵ По крайней мере в момент создания данного текста.

вмесь подробнее на возникновении имени-символа (ИС) и его функционировании в речи (см. сх. 2⁶) (подробнее см. [15]).

Схема 2. Возникновение и функционирование ИС.

Комментарий к схеме.

I. То или иное прецедентное имя, онтологически “восходящее” к какому-либо прецедентному тексту, может становиться именем-символом следующими путями:

- (1) Текст → ПИ → ИС → ИВПИ → (а) терминологическое имя;
(б) полисемичное имя.

При употреблении в речи такое прецедентное имя выступает для обозначения определенной характеристики или внешности, т.е. имеет “терминологическое” значение и является символом некоей характери-

⁶ Используемые в схеме аббревиатуры и сокращения: ПИ — прецедентное имя; ПС — прецедентная ситуация; ИС — имя-символ; ИВПИ — инвариант восприятия прецедентного имени; ИВПС — инвариант восприятия прецедентной ситуации; терминол. — “терминологическое” имя; полисем. — “полисемичное” имя; характер. — характеристика.

стики, некоего характера. Скажем, когда говорящий по-русски называет кого-либо *Обломовым*, и он сам и реципиент понимают, что этот некто был охарактеризован как лентяй (происходит актуализация ограниченного набора дифференциальных признаков, а возможно, и только одного дифференциального признака — лень). Кроме того, прецедентное имя, “пришедшее” из прецедентного текста, может быть “полисемичным”, т. е. обладать не одним дифференциальным признаком (как в предыдущем примере), а комплексом дифференциальных признаков, включающим как характеристику, так и ситуацию. В данном случае ПИ может быть не только символом характера, но и определенной ситуации. Так, в определенных контекстах ПИ *Тарас Бульба* актуализирует прецедентную ситуацию убийства собственного сына (см. пример (1)), но может и использоваться для обозначения патриота, вольного казака, защищавшего свою родину. Приведем еще примеры выше описанного употребления ПИ из прессы:

(9) *Остатки молодеют* (заголовок статьи в “Аргументах и фактах” о мошенничестве подростков).

(10) *Поколение Митрофанушек* (заголовок статьи о результатах социологического опроса среди молодежи, свидетельствующих о нежелании подростков получать образование. В данном случае ПИ *Митрофанушка* служит символом для обозначения малограмотных, необразованных, не желающих учиться и узнавать новое людей).

(11) В статье об известной актрисе Джулии Робертс, о ее непостоянстве по отношению к мужчинам встречается фраза: “*Возможно, Джулия — яркий пример женщины-Дон-Жуана?*”, которая понятна читателю без дополнительных разъяснений, поскольку ПИ *Дон-Жуан* — символ искусного соблазнителя, с легкостью оставляющего свои прежние привязанности.

(2) Текст → ПИ → ПС → ИС → ИВПС → терминологичное имя.

Несколько иной путь возможен в том случае, если при обращении к ПИ, связанному с неким прецедентным текстом (ПТ), автор апеллирует не к определенному характеру, а к прецедентной ситуации (ПС), соответственно, и само имя-символ связано с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ПС. Примером таких имен являются *Ромео* и *Джюльетта*, *Отелло* и *Дездемона*, *Иуда* и др. Прецедентное имя *Иуда*, вероятно, относится к числу универсально-прецедентных феноменов, т.е. известно любому среднему современному homo sapiens [15] вне зависимости от принадлежности к тому или иному лингво-культурному сообществу и является символом прецедентной ситуации предательства.

Продемонстрируем это примером из американского фильма “Храброе сердце”, в котором речь идет о предлагаемой главному герою фильма сделке с королем Шотландии, на что он отвечает: “Король предлагает мне титул, богатство и землю... Чтоб я стал *Иудой?*”

II. Однако можно заметить, что прецедентное имя может быть связано не с прецедентным текстом, а с ситуацией, широко известной всем носителям языка и выступающей как прецедентная.

(3) Ситуация → (ПИ) → ПС → ИС → ИВПС.

Примером такого прецедентного имени *служит Иван Сусанин*. ПИ в этом случае превращается в имя-символ (ИС), обращение к которому (в зависимости от контекста) может быть связано как с характеристикой некоторой личности, обладающей минимальным набором дифференциальных признаков, специфичных для инварианта восприятия прецедентного имени, так и с указанием на определенную ситуацию: если продолжить анализ примера с *Иваном Сусаниным* — речь идет о ситуации, когда проводник, вольно или невольно, ведет кого-либо неверным путем (см. также примеры (2) и (3) в настоящей статье).

(4) Ситуация → ПИ → (ПС) → ИС → ИВПИ → полисемичное имя.

При функционировании имени-символа (ИС), не связанного с каким-либо конкретным прецедентным текстом, может иметь место обращение не к инварианту восприятия прецедентной ситуации (ИВПС), т.к. какой-либо одной прецедентной ситуации, связанной с этим именем не существует, а к инварианту восприятия прецедентного имени (ИВПИ), обладающему некоторым минимальным набором дифференциальных признаков. Примерами таких имен являются *Петр I, Наполеон, Суворов*. Так, скажем, в инвариант восприятия прецедентного имени *Суворов* входит то, что он великий полководец, человек, ведущий себя свободно по отношению к властям (последнее, кстати, было отражено в небезызвестной рекламе банка “Империал” — ерничество по отношению к Екатерине II). В другом употреблении данное имя может выступать как символ талантливого военного.

Рассмотрим второй вербальный прецедентный феномен — прецедентное высказывание.

Повторим, что прецедентное высказывание является феноменом собственно-лингвистической природы; неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка и, не будучи отдельной единицей языка (поскольку строится по законам собственно языковых единиц: текста и высказывания), функционирует как единица дискурса. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный

текст и/или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания. (Ср. с мыслью А.Е. Супруна: "То или иное использование готового текста [в рамках нашей концепции - прецедентного высказывания — *И.З. et al.*] не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст текстового универсума..." [22]. Как любой вербальный феномен, ПВ может рассматриваться в системном и функциональном аспектах. Говоря о системном аспекте, мы имеем в виду структуру высказывания и выделяем в плане содержания:

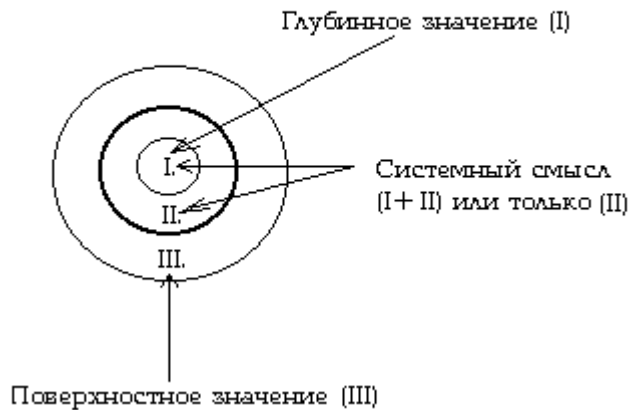
1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру⁷;

3) системный смысл, представляющий собой "сумму" глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания [9; 10] (см. сх. 3).

⁷ Об уровнях значений ПВ см. также [14; 15].

Схема 3. "Структура" ПВ.

Разграничение поверхностного и глубинного значений в рамках нашей концепции имеет некоторые аналогии в лингвистической литературе; так, глубинное значение соотносимо с понятием "коллокация (collocation)": когда значение более сложной единицы (в нашем случае — высказывания) не равно простой сумме значений компонентов, но является семантическим результатом сложения значений. Иначе говоря, соединение "атомов" (конкретных компонентов) приводит к образованию некой "молекулы" (нового значения всей единицы).

"Структурное" устройство прецедентного высказывания проявляется себя в функционировании данных единиц. Говоря о функциональном аспекте, мы оперируем понятием "функциональный смысл прецедентного высказывания", имея в виду *что, зачем и почему* хочет сказать автор высказывания. Именно функциональный смысл, который необходимо "складывается" из системных значений, имеет первоочередное значение для удачного протекания акта коммуникации (об этом говорили и писали многие ученые, сошлемся в данном случае на Л.С. Выготского, который говорил, что мы "восходим" от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания [5]).

Поскольку прецедентные высказывания отличаются много- и разнообразием семантики и формы, данные уровни значений имеются не у всех ПВ. На основании того, все ли уровни можно выявить у конкретного прецедентного высказывания и если нет, то какие имеют-

ся/отсутствуют, выделяются несколько групп прецедентных высказываний.

1. Группа прецедентных высказываний, имеющих только поверхностное значение. В высказываниях такого типа системный смысл присутствует имплицитно, т.е. функциональный смысл высказывания можно понять и без знания прецедентного феномена, стоящего за прецедентным высказыванием и максимум что “грозит” в общении при незнании прецедентного текста и/или прецедентной ситуации, означающим которых выступает ПВ, — не будет оценена красота речи автора, коннотации, “прочитываемые” путем соположения/противопоставления реальной и прецедентной ситуаций).

(12) *Нет повести печальнее на свете* (заголовок статьи о столичном бюджете и о попытках хоть как-то уменьшить бюджетный дефицит).

(13) *Здесь птицы не поют* (статья о проблемах заповедника “Аскания-Нова”).

(14) *Кондуктор, нажми на тормоза* (статья о случившейся на железнодорожном переезде аварии, в результате которой были пострадавшие).

(15) *“Я прихожу в Думу, к Зюганову, вот, к Жириновскому, к Лебедю и говорю: “Ребята! Давайте жить дружно!” Это моя программа”* (цитата из предвыборного выступления Брынцалова).

2. Группа прецедентных высказываний, обладающая двумя уровнями — поверхностным и глубинным значениями.

2.1. Среди такого типа высказываний выделяется подгруппа, которую в основном составляют автономные прецедентные высказывания⁸. При употреблении ПВ этой подгруппы соположение реальной ситуации общения или сообщения (т.е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентной ситуацией оказывается не обязательным в том смысле, что функциональный смысл ПВ при понимании глубинного значения высказывания понятен реципиенту и без описанной выше операции. Иначе говоря, в высказываниях такого типа системный смысл также присутствует имплицитно и при использо-

⁸ В предыдущих статьях [7; 9] мы писали о том, что ПВ можно классифицировать по принципу связанности/несвязанности с породившем их текстом. К первой группе относятся ПВ, тесно связанные с прецедентным текстом (*Белеет парус одинокий*), ко второй — прецедентные высказывания: а) потерявшие связь с текстом-источником и перешедшие/переходящие в разряд автономных ПВ (*Счастливые часов не наблюдают*); б) никогда не имевшие и не имеющие сейчас связи с породившим их текстом (*Нельзя объять необъятное*).

вании подобных прецедентных высказываний в коммуникации также, как и при употреблении ПВ первой группы, существует опасность непонимания реципиентом коннотаций, связанных с прецедентным феноменом, который стоит за ПВ, при незнании этого прецедентного феномена.

(16) *А был ли мальчик?* — высказывание, употребляемое для выражения сомнения в существовании чего-/кого-либо вообще (глубинное значение), а не только некоего мальчика (поверхностное значение).

(17) *Народ безмолвствует* — указание на ситуацию, когда все молчат. Но это поверхностное значение оказывается “прозрачным”, за ним стоит другое (глубинное) значение (выражение покорности кого-/чего-либо кому-/чему-либо), которое играет главную роль в формировании функционального смысла высказывания.

Следует заметить, что прецедентные высказывания первой группы и подгруппы 2.1., как правило, функционируют не как символы какого-либо прецедентного феномена (ПТ, ПС), т.к. смысл данного ПВ оказывается не “больше” его значения (напомним, что, исходя из нашего понимания, символ как означающее некоторого смысла должен быть “больше” знака как означающего некоторого значения). Однако прецедентные высказывания подгруппы 2.1. могут приобретать дополнительный “символический” смысл: так, возвращаясь к примеру (17), можно сказать, что “символический” смысл заключается в выражении взаимоотношения власти и народа при включении данного ПВ в контекст литературы XIX века, т.е. обращаясь к прецедентной ситуации в тексте А.С. Пушкина “Борис Годунов”. Актуализация этого смысла в речевом общении, видимо, зависит от степени восприятия прецедентного высказывания реципиентом.

2.2. Вторая подгруппа включает прецедентные высказывания, полное понимание функционального смысла которых возможно именно при соположении реальной ситуации, в которой используется ПВ, с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом, содержащим такую, т.е. при актуализации системного смысла высказывания. Само прецедентное высказывание при таком функционировании является символом прецедентного феномена.

(18) *“Куда бедному крестьянину податься, если хочется послушать что-то очень душевное, негромкое, успокаивающее...”* (отрывок из статьи о творчестве бардов). Реальная ситуация соотносится с прецедентной ситуацией (из фильма “Чапаев”), означающим которой и является приведенное ПВ; все это позволяет понять уместность данного

высказывания в ситуации общения и в то же время оценить его “экспрессивность”.

(19) *Администрация президента закрыта. Все ушли на...* (заголовок статьи о реорганизации администрации президента, проводимой ее новым руководителем, в результате чего работа в учреждении почти парализована). В данном случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать “языковым хулиганством”, и важно не приведенное выше высказывание само по себе, как таковое, а в сопоставлении с “каноническим” ПВ, и именно в этом сопоставлении подчеркивается перевертывание “верха” и “низа”; используемый же здесь один из типов “обманутого ожидания”: прием усечения высказывания [7] позволяет создать принципиальную двусмысленность, предлагая два варианта интерпретации — “высокий” (который предполагается при соотнесении реальной ситуации с прецедентной через “каноническое” ПВ) и “низкий” (на который указывает контекст).

(20) *Почем рейтинги для народа?* (статья о рейтингах политических партий и о подтасовках при их проведении). Думается, что содержание статьи в данном случае может быть понятно и без ее прочтения, поскольку “каноническое” ПВ “Почем опиум для народа?” выступает как маркер прецедентной ситуации какого-либо обмана и замена слова “опиум” на “рейтинг” предполагает “прочтение” смысла данного высказывания как “рейтинг есть опиум”, т.е. обман.

Исследуя проблему функционирования прецедентных высказываний как символов прецедентных феноменов, невозможно не учитывать рассмотрения данных единиц с точки зрения психолингвистики с тем, чтобы выявить механизм порождения и восприятия ПВ. Таким образом, говоря о прецедентных высказываниях, мы должны рассматривать не только системный и функциональный аспекты данного феномена, но и когнитивный аспект. За прецедентными высказываниями (как и за другими ПФ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, лингвистических и феноменологических⁹. При функционировании прецедентных

⁹ Под когнитивной структурой (КС) мы понимаем некую “содержательную” (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации [13; 14; 15].

К лингвистическим когнитивным структурам (ЛКС) мы относим те КС, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции и формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке. Феноменологические когнитивные структуры (ФКС) — формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собст-

высказываний в речи актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активизируются только лингвистические КС. Применительно к прецедентным высказываниям можно предположить, что на уровне поверхностного и глубинного значений “работают” лингвистические когнитивные структуры, лежащие в основе нашей языковой и речевой компетенции (см. примеры (12)-(16) и — с некоторыми оговорками — (17)), для системного смысла высказывания оказываются релевантными феноменологические когнитивные структуры, формирующие нашу, в том числе, культурную компетенцию (см. примеры (18)-(20)).

Если вернуться к рассмотрению примеров (18)-(20) с точки зрения порождения ПВ в речи, то можно отметить, что в данном случае действует модель порождения ПВ по законам семантико-когнитивной ассоциации [13; 15; 7], т.е. задействуются феноменологические когнитивные структуры, представляющие собой форму кодирования и хранения информации о феноменах экстралингвистической и собственно-лингвистической природы. Именно по этой причине при функционировании ПВ релевантным оказывается системный смысл данного феномена, поскольку для семантико-когнитивной ассоциации необходимо соотношение реальной ситуации общения или сообщения (т.е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентным феноменом: прецедентной ситуацией, прецедентным текстом, содержащим прецедентную ситуацию, или с самим прецедентным высказыванием, за которым стоит прецедентная ситуация, в структурированном виде представленная в когнитивной структуре (КС). ПВ в данном случае выступает как означающее КС и является символом прецедентной ситуации.

Таким образом, при исследовании проблемы символа по отношению к прецедентным феноменам, на наш взгляд, символ ПФ следует рассматривать с точки зрения разных аспектов, соединяя в нем, по крайней мере три стороны:

(а) семантический аспект: символ есть означающее некоторого смысла, он всегда “больше” знака, отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания;

(б) когнитивный аспект, что диктуется самой природой прецедентных феноменов, а именно, “хранением” в когнитивной базе в виде

венно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д. [13; 14; 15].

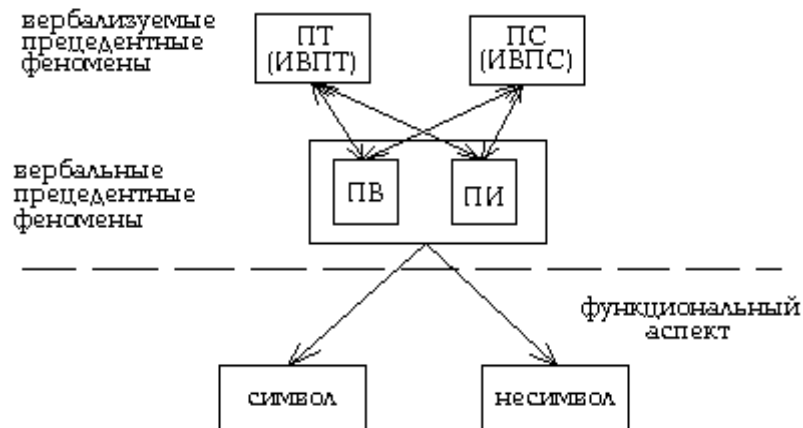
когнитивных структур инварианта восприятия прецедентного имени и системного смысла прецедентного высказывания, которые не эксплицируются в коммуникации. Символ соотносится с определенными феноменологическими когнитивными структурами, являясь их вербальным отражением, “потенциальное значение, заключенное в символах... конвертируется в дифференциальное когнитивное содержание” [23; с.341];

(в) функциональный аспект, имея в виду, что прецедентное высказывание и прецедентное имя становятся символами именно при использовании их в коммуникации. Смысл символа как означающего некоего смысла, порожденного экстралингвистическими факторами, актуализируется именно в коммуникации (что позволяет нам причислить символ прецедентного феномена к единицам дискурса) и именно актуализация некоторого смысла в коммуникации позволяет считать данную единицу символом.

В заключение представим схему, отражающую лингвокогнитивную природу прецедентных феноменов (см. сх. 4).

Итак, наше исследование привело нас к выводу, что не всякое прецедентное имя и не любое прецедентное высказывание может быть символом другого прецедентного феномена. В заключение лишь добавим, что если вербальный ПФ функционирует как символ, происходит усиление семантико-когнитивного фона и употребление данного ПФ является “сокращенным” приемом, “простейшим” способом указать на аналогию ситуаций (реальной и прецедентной) и эксплицировать оценку первой. Если прецедентное имя или прецедентное высказывание функционируют не как символы ПФ, их употребление похоже на орнаментальное украшение речи и является эмоциональной, дополнительной аргументацией в пользу занимаемой позиции автора.

Схема 4. Соотношение прецедентных феноменов с точки зрения их функционирования.

Л и т е р а т у р а

- [1] Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван, 1979.
- [2] Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995.
- [3] Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М. 1994.
- [4] Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психоллингвистика. М., 1984. С. 50-102.
- [5] Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1982. Т. 2.
- [6] Гудков Д.Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 6.
- [7] Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. В печати.
- [8] Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории. В печати.
- [9] Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [10] Захаренко И.В., Красных В.В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- [11] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [12] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, №1.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

- [13] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [14] *Красных В.В.* Некоторые аспекты психолингвистики текста // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 25-44.
- [15] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [16] *Леонтьев А.А.* Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 56-66.
- [17] *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М. 1982.
- [18] *Пижае Ж.* Генетический аспект языка и мышления. // Психолингвистика. М., 1984. С. 325-335.
- [19] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [20] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М. 1995.
- [21] *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М. 1995.
- [22] *Сутрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17-29.
- [23] *Титоне Р.* Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984. С. 336-352.
- [24] *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М. 1974.
- [25] *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
- [26] *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М. 1991.